

дого из чтений летописи, и, возможно, в этом смысле полезно изучить примеры комментирования в академических изданиях памятников права — «Правды Русской» и общерусских судебныхников под редакцией Б.Д. Грекова<sup>77</sup>.

<sup>77</sup> Правда Русская. II. Комментарии. М.; Л., 1947; Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952.

**Елена Конявская**

**Летопись и свод: проблемы терминологии**

*Elena Konyavskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*

*Letopis and Svod: the Problems of Terminology*

**DOI: 10.31857/S086956870005869-6**

Необычайно актуальная и глубокая работа В.Г. Вовиной-Лебедевой побуждает к продолжению разговора о проблемах летописеведения, в том числе и на фоне разного рода пересмотра и ревизий шахматовского научного наследия.

Общепризнано, что с работами А.А. Шахматова начался новый этап изучения летописей. Его метод исследования летописных сводов доказал свою оптимальность, используется и, без сомнения, будет использоваться далее. Но важно и другое: именно Шахматов впервые обратился к летописям не только и не столько с точки зрения содержащегося в них исторического материала. Летопись предстала как феномен сам по себе ценный, который создаётся, развивается, имеет генетических «предков» и «потомков». Что и есть подход источниковеда.

Характерно, что современные прецеденты критики шахматовского подхода, шахматовской генеалогической схемы русских летописей возвращаются к тем же пунктам, по которым Шахматова критиковали ещё в первой половине XX в. Основные аргументы этой критики уже отведены. Однако несколько слов хочется сказать о том, что как раз отличает некоторые современные антишахматовские штудии. В книге В.Ю. Аристов, посвящённой критическому разбору наследия Шахматова, красной нитью проходит стремление показать, что он — вовсе не первооткрыватель, а его открытия — суть заимствования идей и наработок предшественников. «Заимствования» — в самом грубом смысле — плагиата: «Внешнее невнимание и одновременно хорошая ориентация в историографии оборачивались тем, что Шахматов часто использовал высказанные раньше идеи как свои»<sup>1</sup>. Автор книги даже приводит параллельные тексты с целью доказать такое заимствование А.А. Шахматова у его младшего современника и последователя А.Е. Преснякова: «Показательно будет и такое сближение:

#### **Пресняков**

составитель Воскресенского летописного свода пользовался материалом *первоначальных летописных записок не в сыром виде, а в обработке его* для другого летописного сборника.

#### **Шахматов**

г. Тихомиров не приходит к определению источников того или другого свода в виде других, более древних сводов; источниками оказываются не готовые уже памятники, объединившие разрозненные исторические данные, а *сырой, не обработанный материал в виде погодных записей, сказаний, исторических повестей* и т.п.»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Аристов В.Ю. Алексей Шахматов и раннее летописание. Киев, 2018. С. 255.

Приведённое «сближение» поражает во всех отношениях. Выделенные курсивом фрагменты в двух столбцах местами совпадают, местами — нет. Для текстолога и источниковеда (коим и считает себя Аристов) совпадающими здесь будут лишь одно слово целиком (*сырой*) и два — частично (*обработке — не обработанный, записок — записей*). В практике текстологических сравнений такие случаи не считаются текстуальными совпадениями. С большой натяжкой можно сказать и о совпадении смысла приводимой части предложения.

Если бы не эта явно проявившаяся тенденция книги, можно было бы отметить ряд справедливых замечаний Аристова<sup>3</sup>. Так, вопрос о нечёткости терминологии и размытости самого понятия «свод» безусловно актуален. Эта проблема поднималась Д.С. Лихачёвым и Я.С. Лурье (да не будет данное замечание понято как намёк на недобросовестное заимствование). В своей «Текстологии» Лихачёв отметил: «Терминология изучения истории летописания крайне неустойчива. Ни одно из понятий — свод, летопись, летописец, редакция летописи — не имеет строгого определения и различными учёными понимается иногда по-разному. Между тем нужда в точной научной терминологии в науке о летописании очень велика»<sup>4</sup>. Ситуация за прошедшие десятилетия изменилась несущественно. Наверное, только по отношению к редакциям летописей серьёзных разночтений нет. Казалось бы, нет нужны и в объяснениях, что такое *летописный свод*. Но само по себе понятие «свод» предполагает, что сводятся некие более ранние тексты, в свою очередь тоже являющиеся сводами, и далее — пока мы не доберемся до необходимости определить «элементарную частицу». А таковой может быть и литературный нарратив (рассказ), и легенда устного происхождения, и заимствование из византийской хроники, и... погодная запись? Даже самые радикальные приверженцы «свода и только свода» едва ли станут отрицать, что запись известий по следам событий велась. Об этом свидетельствуют встречающиеся уже начиная с Повести временных лет дневные полные даты, правильность которых доказывается и астрономически; подробности, подтверждающие практически современное по отношению к событиям написание летописной статьи.

По-видимому, со слов очевидца записывался рассказ о попытке Глеба Юрьевича сесть в Переяславле в 6656 г. в Лаврентьевской летописи: «ѡн же (Глеб. — Е.К.) послушавъ его (Жирослава. — Е.К.) приде к Переяславлю вборзѣ свитающе дни . Мстиславу же лежащу еше и дружинѣ его. пригнавше сторожеве рекоша ему . не лежи кнаже Глѣбѣ ти пришедь на та. ѡн же вста вборзѣ. и собраса к нему дружины нѣколико . и выступи противу ему из города . и стоа Глѣбѣ до заоутрока . и воротиса ѡпять. Мстислав же скопивъ дружину . и Переяславьцѣ. и ѡбѣдавъ гна по нем»<sup>5</sup>. Здесь есть свидетельство о том, что Глеб на рассвете приехал к Переяславлю, а Мстислав ещё не проснулся, последовательность дальнейших событий сопрягается рассказчиком с завтраком и обедом.

Под 6668 г. в Ипатьевской летописи рассказывается о встрече Ростислава Мстиславича, вокняжившегося в Киеве, со Святославом Ольговичем. Князья заключают союз и празднуют два дня: «Тогда же Ростиславъ позва Стослава к

<sup>2</sup> Там же. С. 68.

<sup>3</sup> Работа В.Ю. Аристова заслуживает отдельного всестороннего рассмотрения, которое, думается, будет предпринято в недалёком будущем.

<sup>4</sup> Лихачёв Д.С. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). СПб., 2001. С. 357.

<sup>5</sup> ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1—2. Л., 1926—1928. Стб. 319.

собѣ на вѣдѣ . Стославъ же ѣха к нему безо всякого извѣта . и быс же радость во тѣ днѣ межю има . и дарове мнози . да бо Ростиславъ Стославу соболми и горностаими . и черными кунами . и песци и бѣлыми волкы . и рыбьими зубы . На заоутрие же позва Стославъ Ростислава к собѣ на вѣдѣ . и тако бысть весела, пачу вчерашнего дни, да Стославъ Ростиславу пардусъ . и два коня борза . оу ковану сѣдлу . И тако розидостася оу свояси<sup>6</sup>.

Новгородский летописец констатирует: «Въ лѣто 6693. Маия въ 1 день, въ час 10 дни, яко въ звонение вечернее, солнце помърче, яко на часу и боле, и звезды быша, и паки просветися, и ради быхомъ»<sup>7</sup>. И под 6738 г.: «Трясеса земля въ пятък по велицѣ дни 5 недѣли въ обѣдѣ», но, чтобы быть точным, добавляет: «а инии уже бяху отобѣдали»<sup>8</sup>. Очевидно, что подобные подробности не могли удерживаться в памяти участника событий в течение нескольких лет.

Относительно термина «летопись» Д.С. Лихачёв также отмечал неустойчивость. Как писал учёный, «иногда термин “летопись” употребляется для выражения понятия летописания той или иной области в целом. Так, А.А. Шахматов и М.Д. Присёлков постоянно говорят о ростовской летописи, о владимирской летописи, о галицко-волынской, черниговской, московской, рязанской и т.д. в том же смысле, как о летописании Переяславля Южного или Переяславля Суздальского, летописании Москвы или летописании Пскова. Понятие “летопись” в этом отношении шире понятия летописного свода, оно охватывает все своды и все летописи того или иного летописного центра»<sup>9</sup>. Но уже Насонов не употреблял слово «летопись» в таком значении, а говорил о «летописании». Так, в работе 1946 г. Насонов писал об областных летописных традициях: «Древнерусское летописание развивалось, в сущности, именно как областное летописание: мы знаем летописание киевское, черниговское, галицко-волынское, ростовское, владимирское, московское, тверское, новгородское, псковское и т.д.»<sup>10</sup>. И сегодня мы встречаемся с уравниванием «летописи» и «летописания» довольно редко, эти феномены различаются.

Констатируя «неопределённость и неясность терминологии», Лихачёв выдвинул несколько установлений, помогающих преодолеть данные трудности при издании летописных памятников. В частности, он предложил исходить из того, что «всякий издаваемый памятник летописания представляет собой свод уже известных материалов с добавлением новых и переработкой старого материала на основе некоторой историко-политической точки зрения»<sup>11</sup>. М.Н. Тихомиров уточнил, что сводились «в единое повествование отдельные летописные записи, акты, повести, жития святых и проч.»<sup>12</sup>. А у О.В. Творогова читаем: «По структуре своей древнерусские летописи представляли своды погодных

<sup>6</sup> Там же Т. 2. СПб., 1908. Стб. 504.

<sup>7</sup> Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 37—38.

<sup>8</sup> НПЛ. С. 69. Подробно о вариантах системы ведения летописных записей в Новгороде см.: Гимон Т.В. Новгородское летописание XI — середины XIV в. как социокультурное явление. Автореф. ... д-ра ист. наук. М., 2014.

<sup>9</sup> Лихачёв Д.С. Указ. соч. С. 359.

<sup>10</sup> Насонов А.Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. Т. 18. М., 1946. С. 9—10.

<sup>11</sup> Лихачёв Д.С. Указ. соч. С. 361.

<sup>12</sup> Тихомиров М.Н. Летописи // Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965. Стлб. 599—602.

статей, т.е. сообщений о произошедших в каждом году событий»<sup>13</sup>. Можно сказать, что круг замкнулся, и «летопись» оказалась равной «своду», даже если это «непрерывно ведущаяся летопись» (новгородская владычная), анналы. Однако Лихачёв всё же оставил возможность для терминологического различения летописи и свода, говоря о том, что летописный памятник может представлять собой «свод, свод с продолжением, редакцию свода, *летопись* (курсив мой. — Е.К.), текст одного из списков и проч.». Правда, затем многозначность термина снова дала о себе знать. В качестве резюмирующего заключения Лихачёв предложил называть сводом «по большей части гипотетически определяемое летописное произведение, которое дошло до нас в более или менее сильно изменённых и продолженных списках, которые удобнее всего называть летописями или, если списки близки друг к другу, — летописью»<sup>14</sup>.

Оппозиция определена и понятна: гипотетически восстанавливаемый протограф (свод) — дошедший до нас письменный памятник (летопись). Но на практике она не оказывается оптимальной хотя бы потому, что многие такие реальные «летописи» имеют в своих традиционно сложившихся названиях слово «свод»: Московский летописный свод конца XV в., Сокращённые летописные своды, Летописный свод 1497 г.

В терминологии, коль скоро сегодня никто не отрицает большого значения анналистического начала в русском летописании, необходима иная оппозиция: свод — летопись (в значении анналов). И такую традицию можно обнаружить. В каком значении употребляет слово «летопись» Шахматов? Одно из них тождественно предложенному Лихачёвым: конкретный летописный памятник, сохранившийся до сегодняшнего дня. Собственно в значении, синонимичном этому, учёный использовал «летописный памятник» и «памятник». Вместе с тем он называл Повесть временных лет то летописью, то сводом. А.А. Гippiус обратил внимание<sup>15</sup>, что Шахматов не отказывал древней летописной традиции в анналистической форме, считая, что владычная летопись велась «беспрерывно и время от времени подвергалась литературным обработкам»<sup>16</sup>. Очевидным образом выделял и тот, и другой вид работы «книжных писателей» А.Н. Насонов, говоря о «ведении погодных записей и переписывании летописных сводов»<sup>17</sup>. О том же писал М.Н. Тихомиров: «Внимание исследователей было обращено в первую очередь на вопрос о том, когда возник тот или иной летописный свод. Между тем русскую историографию как начального периода, так и более позднего времени нельзя отождествлять с летописными сводами, которые сами основывались на ряде источников разнообразного характера. Летописные своды были не начальной, а заключительной стадией исторических обобщений, которым предшествовали записи об исторических событиях и отдельные сказания»<sup>18</sup>.

В настоящее время анналистическому началу в русском летописании придётся большое значение. И как отмечает В.Г. Вовина-Лебедева, в этом важна

<sup>13</sup> Лурье Я.С. Летописи // Литература Древней Руси. Биобиблиографический словарь. М., 1996. С. 101.

<sup>14</sup> Лихачёв Д.С. Указ. соч. С. 362.

<sup>15</sup> Гippiус А.А. К характеристике новгородского владычного летописания XII—XIV вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В.Л. Янина. М., 1999. С. 352—353.

<sup>16</sup> Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М., 1938. С. 156.

<sup>17</sup> Насонов А.Н. Указ. соч. С. 10.

<sup>18</sup> Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Вопросы истории. 1960. № 5. С. 41.

заслуга исследований А.А. Гиппиуса и Т.В. Гимона Новгородской владычной летописи как постоянно ведущейся. Действительно, важность результатов этих исследований трудно переоценить. Гимон всесторонне исследовал Новгородскую первую летопись как феномен анналистики. Гиппиус же привёл весомые доказательства того, что смена новгородских архиепископов влекла за собой смену летописца при неизменной преемственности летописной работы. Если это действительно так, то напрашивается вопрос о некоем регламенте выполнения функции владычного летописца. Из имеющихся данных (летописцы — священник Герман Воята, пономарь Тимофей<sup>19</sup>) ясно, что эта работа не связывалась с определённой должностью при владыке, и основную свою службу летописатель мог осуществлять в различных местах (церковь св. Иакова, Юрьев монастырь). Так или иначе, получавший обязанности летописца, возможно, приобретал и определённый дополнительный статус<sup>20</sup>. А статус был летописцу необходим — чтобы перед ним открывались двери кафедральной и монастырских библиотек, предоставлялись документы, очевидцы событий не отказывали в рассказах<sup>21</sup>.

У нас мало сведений о работе ранних летописцев и способах получения ими информации. Как правило, отдельно оговариваются лишь слухи, чья достоверность вызывает сомнения у самого пишущего: «Богъ же вѣсть, како скончася: много бо глаголють о немъ инии»<sup>22</sup> (о Юрии Всеволодовиче); «Том же лѣт(е) престависа кн(а)зь Иванъ Ростиславичъ, рекомый Берладникъ, в Селуни, и ини тако молвахуть, ꙗко съ штравы бѣ ему см(е)рть»<sup>23</sup>.

Понятно, что *летописью* мы называли и будем называть сам феномен русской средневековой историографии (в котором, надо отметить, во всех энциклопедических и справочных изданиях указывается в качестве главной характеристики погодная структура). Иными словами, имеется в виду летопись как «жанр». Но целесообразно было бы называть *летописью* и то, что не является *сводом* — ведущиеся погодные записи, независимо от того, одним ли летописцем они составляются или продолжают его преемниками. Наряду с «классической» в этом смысле Новгородской владычной летописью к той же категории можно отнести различные выявляемые с достаточными основаниями местные «летописцы» или, что обычно выделяется ещё более основательно, «летописцы» того или иного правителя или иерарха.

Я.С. Лурье в своё время справедливо критиковал попытки отождествлять с местной летописной работой известия, касающиеся данной местности<sup>24</sup>. Методика выявления известий, которые можно отнести к местным летописным

<sup>19</sup> Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. С. 164—166.

<sup>20</sup> Впрочем, А.А. Гиппиус определённо считает, что один из «яковлевских» летописцев — пономарь Тимофей — выполнял и роль «секретаря новгородского архиепископа или, иначе говоря, владычного нотариуса» (Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6(16). СПб., 1997. С. 9—11).

<sup>21</sup> По поводу более позднего периода летописания А.Н. Насонов отмечал, что «работавшим над составлением сводов открывались государственные хранилища, архивы» (Насонов А.Н. Указ. соч. С. 11).

<sup>22</sup> НПЛ. С. 76.

<sup>23</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 519. Более полный перечень примеров см.: Конявская Е.Л. Авторское самосознание в летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 68—73.

<sup>24</sup> Лурье Я.С. Схема истории летописания А.А. Шахматова и М.Д. Присёлкова и задачи дальнейшего исследования летописей // ТОДРЛ. Т. 44. Л., 1990. С. 194—195.



записям, сегодня существует, и она гораздо более сложная, чем та, что имел в виду Лурье. Так, В.С. Иконников выделил девять известий, которые приписал смоленскому летописанию: 1) 6645 г. — о поставлении епископа Мануила в Смоленск; 2) 6656 г. — о женитьбе Романа Ростиславича на дочери Святослава Ольговича; 3) 6663 г. — о приезде в Смоленск к Ростиславу Мстиславичу жены Юрия Долгорукого с детьми; 4) 6676 г. — о кончине Ростислава Мстиславича; 5) 6680 г. — о кончине Святослава Ростиславича; 6) 6681 г. — о рождении у Рюрика Ростиславича сына Ростислава; 7) 6688 г. — о кончине Романа Ростиславича; 8) 6701 г. — о походе Ростислава Рюриковича на половцев и рождении у Давыда Ростиславича сына Фёдора; 9) 6705 г. — о кончине Давыда Ростиславича<sup>25</sup>.

На самом деле первое и третье известия здесь — киевские, второе — черниговское, четвёртое, пятое, седьмое и девятое — в основе имеют современные записи, возможно, связанные со смоленскими князьями, но впоследствии подвергшиеся обработке. Сообщение о рождении в 1172 г. у Рюрика сына Ростислава-Михаила можно трактовать как смоленское. В этом известии Ипатьевской летописи читается, что Рюрик шёл из Новгорода в Смоленск, когда «быс на Лучинѣ верьбноѣ недѣлѣ въ патокъ . слнцю въсходящю родиса оу него снѣ и нарекоша . и въ стмь крщньи дѣдне има Михайло . а княже Ростиславъ дѣдне же има и быс радость велика ѿ роженъи его и дасть ему оѣцъ его Лучинѣ городъ . въ нѣмже родиса и поставиша . на томъ . мѣстѣ . црквѣ . стго Михаила . кде са родиль»<sup>26</sup>. Здесь имеется указание на дату, время суток, подробности имянаречения княжича, что свидетельствует о современности записи. Вместе с тем в тексте можно усмотреть и следы последующей редактур: для строительства церкви (а говорится, что церковь «поставиша», а не «заложиша») нужно какое-то время. Правда, зачастую деревянный храм строили очень быстро, но это в любом случае не дни, а месяцы. Таким образом, это небольшое известие даёт пищу для больших размышлений: едва ли добавление о строительстве церкви не в самом значимом городе Смоленской земли было сделано спустя 26 лет (при оформлении Киевского свода). Значит, оно осуществлено раньше — при включении каких-то летописных записей в некую летопись, а, может быть, и свод.

Столь же подробного разбора заслуживает и восьмое известие. Но нужно иметь в виду особенности позиции представителей этого княжеского дома в отношении владения главным столом в Смоленской земле и их владений в Русской земле. Последние были для них бесспорно приоритетными<sup>27</sup>. В связи с этим имеет смысл искать не столько местный смоленский материал, т.е. предполагать, что некий летописец работал в столице княжества, а исходить из того, что своих летописцев могли иметь и Ростислав Мстиславич, и его сыновья. Даже если записи летописцев смоленских князей свелись потом в единую «Семейную хронику Ростиславичей»<sup>28</sup>, её нельзя отнести к полноценному летописному своду, а, стало быть, нужно считать летописью.

<sup>25</sup> Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т. 2. Киев, 1908. С. 520.

<sup>26</sup> ПСРЛ. Т. 2. Стб. 567.

<sup>27</sup> Конявская Е.Л. Смоленские Ростиславичи и их владения по раннему летописанию // Российская история. 2018. № 5. С. 3—8.

<sup>28</sup> Присёлков М.Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 88—89.

Пытаться упорядочить терминологию — дело практически безнадежное. Однако поднять этот вопрос заставляют проведенные в последние десятилетия продуктивные исследования русских летописей как анналов. Они изменили общее теоретическое поле летописеведения, что влечёт необходимость хотя бы попытки переосмыслить рабочую терминологию в этой области научного знания.

**Игорь Данилевский**

**О пользе сомнений: взгляд «изнутри»**

*Igor Danilevsky (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)*

*The benefits of doubt: a look «from the inside»*

**DOI: 10.31857/S086956870005867-4**

Как и В.Г. Вовина-Лебедева, начну с цитаты: «Сомнение является для учёного орудием его труда. Когда он собрал в горсть все существующие разрозненные факты, он старается их соединить между собой в какую-нибудь теорию, общее представление. Если он хороший учёный, как только он это сделал, он начинает ставить своё собственное представление под вопрос, начинает спрашивать себя: нет ли логической ошибки в моём построении, нет ли передёргивания, нет ли чего-нибудь непродуманного и недодуманного, нет ли где-нибудь трещины? И ещё: если он всего этого не находит, он начинает искать новые данные, от которых рухнет его представление, потому что ему не его представление дорого, а та реальность, которую он исследует. И он потому может ставить под вопрос своё представление, что ни одной минуты не колеблется в той реальности, которая вокруг него есть»<sup>1</sup>. Эти слова произнесены человеком, казалось бы, весьма далёким от науки, да ещё и в беседе о вере<sup>2</sup>.

Не знаю, читал ли митрополит Антоний Карла Поппера, но попперовская идея фальсифицируемости как основного критерия научности теории или гипотезы изложена здесь предельно ясно: любые высказывания содержат информацию о реальности только в том случае, если они обладают способностью прийти в столкновение с опытом. В науке нет места «окончательным точкам зрения».

Любой автор, предлагающий новый подход к объекту своего исследования или объяснение некоторому количеству наблюдений, всегда стремится подобрать подтверждающие аргументы. В этом его сила — и одновременно слабость. В своём труде порой бывает сложно уловить низкую степень доказательности в собственных рассуждениях. Гораздо легче это увидеть в чужой работе. «Чужому» глазу (тем более взгляду человека, который принципиально не согласен с тобой) виднее. Но тут следует помнить, что научная дискуссия (если она носит действительно научный характер) не должна сводиться к оценочным суждениям («нравится» — «не нравится», «убедила» — «не убедила»). Гораздо важнее (обратимся вновь к Попперу) выяснить: а) не имеет ли предложенная гипотеза внутренних противоречий; б) нет ли в ней тавтологии; в) позволяет

---

<sup>1</sup> Антоний, митр. Сурожский. О вере // Антоний, митр. Сурожский. Беседы о вере и Церкви. М., 1991. С. 89.

<sup>2</sup> Выступление в Московской духовной академии 24 сентября 1971 г. (Там же. С. 56).